

Петрушко В. И.

*доктор церковной истории,
профессор Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета
(Россия, Москва)*

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ ПАТРИАРХАТ И ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ И ПОЛЬШИ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Резюме

В XX веке формируются устойчивые связи между Константинопольской патриархией и западными политическими кругами, интересы которых стали тесно сближаться. Результатом этого процесса стало усиление влияния западных (прежде всего, американских) политиков на проводимый Фанаром курс, следствием чего стали рост политизации церковной жизни Константинопольского патриархата, а также усиление в нем модернистских настроений. На формирование этого проекта большое влияние оказали рост греческого националистического движения и стремление Фанара воспользоваться тяжёлым положением Русской Православной Церкви, которая в послереволюционные годы была ослаблена украинским автокефалистским, обновленческим и другими расколами и испытывала гонения со стороны большевистской власти. Ярким примером этого является предоставление автокефалии Польской Православной Церкви, когда Константинопольская

патриархия впервые использовала весь тот набор аргументов, которые были озвучены патриархом Варфоломеем I (Архондонисом) в ходе синакса в Стамбуле в сентябре 2018 г., когда речь шла об обоснованиях принятия решения об автокефалии т.н. «Православной церкви Украины».

Ключевые слова: *Русская Православная Церковь, Фанар, Украина, Польша*

В Османской империи патриарх Константинопольский, как известно, являлся главой всей многомиллионной православной общины в Турецком государстве и в этом качестве был не только ее духовным лидером, но и административным начальником, а соответственно — одним из высших чиновников султанской администрации (миллет-баши). Константинопольская патриархия, будучи вполне лояльной по отношению к власти султана и сосредоточенной преимущественно на проблемах православного (прежде всего, греческого) населения Османского государства, сравнительно мало интересовалась церковной жизнью за пределами последнего.

Ситуация существенно изменилась после поражения Турции в Балканских войнах и Первой мировой войне, когда Константинопольская Церковь перестала проявлять лояльность по отношению к турецким властям. 30 октября 1918 года Османская империя подписала со странами Антанты Мудросское перемирие, по условиям которого передавала под контроль союзников крепости в Проливах. Осенью 1918 года французские и британские войска (позже к ним также добавились итальянцы) заняли Константинополь, где в декабре 1918 года была учреждена военная администрация Антанты. Страны-победительницы в Первой мировой войне вынашивали планы раздела Османской империи. Греция получила от членов блока Антанты обещание, что ей будут переданы Восточная Фракия и Западные районы Малой Азии со значительным греческим населением.

Еще со времен борьбы за освобождение от османского ига и возникновения Греческого государства в 1830 г. греки мечтали о возвращении земель, некогда входивших в состав Византийской империи. Константинополь продолжал оставаться для них символом величия греческой государственности. Мечта о его освобождении

не покидала греков и продолжала питать эллинский национализм. К началу XX в. оформился план возрождения «Великой Греции». По мысли греческих политиков того времени, она должна была включать в себя, в том числе, и области, которые надлежало отвоевать у турок: Ионию, Фракию, Кипр, запад Малой Азии, Понт.

В Константинопольской патриархии после Первой мировой войны вполне разделяли убеждения эллинизма и более чем сочувственно относились к устремлениям Греческого государства расширить свои пределы. В марте 1919 г., накануне греко-турецкой войны, Константинопольская патриархия вообще отказалась подчиняться османскому султану и его правительству и официально разорвала отношения с Турецким государством, утратив тем самым свой прежний статус властного института Османской империи. В некоторых константинопольских храмах даже начали поминать за богослужением греческого короля Александра. На Фанаре питали надежду на скорую победу греков в войне с турками и долгожданное включение Константинополя в состав Греческого государства.

Эти события фактически совпали по времени с революцией и гражданской войной в России. Гибель Российской империи, с одной стороны, лишала Константинопольскую патриархию традиционной политической и материальной поддержки, которую ей неизменно в весьма значительных размерах оказывали Российские государи, но с другой — открывала возможность впредь не только действовать без оглядки на российскую государственную власть и Русскую Церковь, но и значительно усилиться за счет ослабления последней и вторжения Фанара в сферы, прежде для него недоступные в силу нахождения под российским контролем.

Так, до начала XX века Константинопольская патриархия была вынуждена считаться с тем, что в странах Старого и Нового Света православные приходы существовали преимущественно в юрисдикции Русской Церкви. Но после российской революции 1917 г. активизировавшийся Фанар не только стал стремиться в порыве панэллинизма подчинить своей юрисдикции греческую диаспору Старого и Нового Света, но и принять под свой омофор всех православных в этих странах, численность которых в Западной Европе и особенно в Америке к началу XX века существенно возросла в результате миграционных процессов.

В XX столетии формируются устойчивые связи между Константинопольской патриархией и западными политическими кругами,

интересы которых во многих случаях стали тесно сближаться. Закономерным результатом этого процесса стало усиление влияния западных (прежде всего, американских) политиков на проводимый Фанаром курс, следствием чего стали, в том числе, рост степени политизации церковной жизни Константинопольского патриархата, а также усиление в нем модернистских настроений.

Константинопольский патриарх в XX в. все более демонстрировал стремление наполнить свой символический титул «вселенский» вполне реальным содержанием. С подачи Фанара во многих греческих церковных изданиях стала дискутироваться тема необходимости создания единого всеправославного центра, возглавить который должен был, разумеется, предстоятель Константинопольской Церкви. При этом также высказывалась мысль о необходимости пересмотра прежде изданных актов о предоставлении автокефалии другим поместным Православным Церквям.

На формирование этого проекта большое влияние оказали рост греческого националистического движения и стремление Фанара беззастенчиво воспользоваться тяжелейшим положением Русской Православной Церкви, которая в послереволюционные годы была ослаблена украинским автокефалистским, обновленческим и другими расколами и испытывала гонения со стороны большевистской власти. При этом Константинопольская патриархия и сама принимала меры, способствовавшие усугублению кризиса в русской церковной жизни. Причем, это касалось как положения Православной Церкви в советской России, так и русских церковных структур в эмиграции.

В этом отношении весьма показательна деятельность Мелетия (Метаксакиса)¹ в Северной Америке. Первые православные общины в США, в числе прихожан которых были, в том числе, и греки, со времени своего возникновения находились в юрисдикции Камчатской, Курильской и Алеутской (позднее Алеутской и Североамериканской) епархии Русской Церкви, которая первой среди поместных Православных Церквей начала миссионерскую деятельность на Американском континенте. Греческие эмигранты в США

¹ В 1918 — 1920 гг. — архиепископ Афинский и всей Греции, предстоятель Элладской Православной Церкви, в 1921 — 1923 гг. занимал Константинопольскую патриаршую кафедру, в 1926 — 1935 гг. являлся патриархом Александрийским. Мелетий был активным проводником новостильной реформы церковного календаря, горячим приверженцем экуменического движения (особенно — диалога с Англиканской Церковью) и сторонником допустимости второбрачия для белого духовенства.

находились в ведении Греческой православной духовной миссии Русской Церкви, традиционно возглавлявшейся архимандритом, который был по происхождению греком. Но в послереволюционные годы Константинопольская патриархия начинает действовать в США без оглядки на Русскую Церковь и ее канонические структуры, существующие в Америке. Линия поведения, избранная в это время Фанаром во взаимоотношениях с Русской Церковью, полностью коррелировала с политикой западных стран в отношении впавшей в послереволюционный хаос России, считаться с которой в международных отношениях полностью перестали.

В октябре 1918 г. по благословению патриарха Константинопольского Германа V Мелетий (Метаксакис) посетил США и без согласования с канонической властью Русской Церкви в Северной Америке, которую в отсутствие архиепископа Алеутского и Североамериканского Евдокима (Мещерского), находившегося в то время в Москве на Поместном Соборе 1917-1918 гг., осуществлял епископ Канадский Александр (Немоловский), учредил в Нью-Йорке т.н. «Синодальную комиссию». Комиссию возглавил титулярный епископ Родостольский Александр (Димоглу), инициировавший деятельность по объединению греческих приходов в Северной Америке в единую структуру, которая первоначально перешла в юрисдикцию Элладской Церкви, а затем вошла в состав Константинопольского патриархата.

Деструктивное влияние Константинопольской патриархии на церковную жизнь непосредственно на территории послереволюционной России сказалось, прежде всего, в поддержке, которую она оказала силам, действовавшим в направлении достижения автокефалии Православной Церкви на Украине, а в дальнейшем – в признании раскольников-обновленцев.

В период деятельности Центральной Рады на Украине автокефалистское движение дало лишь первые ростки. При режиме гетмана Павла Скоропадского украинские автокефалисты осуществляли свою деятельность преимущественно в рамках Кирилло-Мефодиевского братства и создававшихся на его основе других структур. 28 апреля 1918 г. инициативная группа «православных украинских христиан из разных краев Украины» (38 чел.) создала т.н. «Украинский православно-церковный комитет» известный также как «Комитет возрождения Украинской Православной Церкви». Основу комитета составили члены Кирилло-Мефодиевского братства, его

председателем стал Павел Мазюкевич, почетными членами были приглашены архиепископ Алексей (Дородницын), а также работавшие в госструктурах Василий Рафальский и Владимир Чеховский. Комитет просил власти гетманской Украины обратиться к Константинопольскому патриарху за благославлением на провозглашение автокефалии Украинской Церкви. Однако поскольку при Скоропадском среди украинского духовенства в целом наблюдался процесс консолидации консервативных кругов, ориентированных на сохранение канонического единства Русской Церкви, попытки украинских автокефалистов найти поддержку в Константинопольской патриархии в период гетманщины успеха не имели².

Гораздо дальше продвинулись контакты автокефалистов с Фанаром при режиме Симона Петлюры³. Возглавляемая Петлюрой т.н. Директория, грубо попирая каноны Церкви и вмешиваясь в ее внутреннюю жизнь, 1 января 1919 г. объявила автокефалию Православной Церкви на Украине в законодательном порядке, приняв «Закон о верховной власти в Украинской автокефальной православной миротворческой Церкви». Лишь задним числом Петлюровский режим стал добиваться признания автокефалии Украинской Церкви другими поместными Православными Церквями, прежде всего — Константинопольской. С этой целью из Киева в Стамбул была направлена делегация во главе с комиссаром петлюровского министерства вероисповедания Олексой Лотоцким, которая посетила Фанар в апреле 1919 г.

О переговорах с тогдашним местоблюстителем Константинопольского патриаршего престола митрополитом Дорофеем Лотоцкий впоследствии вспоминал, что колебания греческого иерарха в вопросе автокефалии Украинской Церкви были обусловлены, прежде всего, тем, что он опасался возможного восстановления Российской империи и последующего возмездия за предательство по отношению к Русской Церкви⁴. Кроме того, свой протест по поводу контактов между Константинопольской патриархией и петлюровцами заявили находившиеся в то время в Константинополе архиереи Русской Церкви, в числе которых были митрополит Киевский Антоний (Храповицкий) и архиепископ Волынский Евлогий

² См.: *Ульяновський В.* Церква в Українській державі 1917—1920 рр. Кн.2: Доба Гетьманату Павла Скоропадського. К., 1997.

³ См.: *Андрусішин Б.* Церква в Українській державі 1917—1920 рр. Кн.3: Доба Директорії УНР. К., 1997.

⁴ *Лотоцький О.* В Царгороді. Варшава, 1939. С. 88-89.

(Георгиевский), ранее изгнанные петлюровской Директорией с территории Украины⁵.

Фанар занял в украинском вопросе двусмысленную позицию. В письме Константинопольской патриархии на имя Петлюры от 9 марта 1920 г. отмечалось, что претензии на автокефалию Украинской Церкви «не лишены исторических и канонических оснований»⁶. В то же время, патриархия уклонялась от решения по данному вопросу под предлогом того, что Константинопольский патриарший престол на тот момент являлся вакантным. Впрочем, поставленный петлюровской Директорией перед Фанаром вопрос к весне 1920 г. уже во многом утратил свою актуальность, так как на большей части территории Украины к этому времени была установлена советская власть.

Поскольку западные области Украины, на которых проживало значительное православное население, вошли в состав возрожденного по Версальскому миру Польского государства, власти Польши поставили задачу вывести находившиеся на ее территории православные епархии из юрисдикции Русской Церкви. В июле 1920 г. в Константинополь прибыл представитель польских властей Иодко. Он предложил Константинопольской патриархии подчинить православные епархии Польши своей юрисдикции.

Фанар готов был пойти навстречу пожеланиям польских властей, но все же в тот момент еще поостерегся сразу принять столь радикальное решение. Это промедление в итоге привело к тому, что Константинопольской патриархии в дальнейшем пришлось учитывать резкое изменение политической обстановки. Осенью 1922 г. греческая армия, действовавшая против турок в Малой Азии, была разгромлена. В оставленной греческими военными Смирне в сентябре 1922 г. турки устроили резню мирного христианского населения, в результате которой погибли десятки тысяч человек. 1 ноября 1922 г. турки восстановили свой контроль над Стамбулом. О проекте «Великой Греции» больше не могло быть и речи.

После греко-турецкой войны, согласно решению Лозаннской мирной конференции о принудительном обмене населением между Грецией и Турцией (30 января 1923 г.), все православные граждане Турции к 1 мая 1923 г. должны были покинуть территорию страны (за исключением греков, официально зарегистрированных

⁵ Там же. С. 89-92.

⁶ Там же. С. 94.

в качестве жителей Стамбула в период не позднее 30 октября 1918 г., а также греков с островов Имброс и Тенедос). В число лиц, которые должны были репатрироваться в Грецию, попали почти все архиереи Константинопольского патриархата.

Константинопольская патриархия оказалась в крайне сложном положении: ее отношения с турецкими властями были безнадежно испорчены, а православное население бывшей Османской империи сократилось до критической отметки. У патриарха Константинопольского теперь практически полностью отсутствовала паства на территории Турецкого государства. Правительство младотурок в подобных условиях не могли не задаться закономерным вопросом о целесообразности существования Константинопольской патриархии как таковой.

В сложившейся критической ситуации Константинопольская патриархия в еще большей степени переносит центр тяжести своей деятельности за пределы Турецкого государства и почти целиком ориентирует ее на православную диаспору в Западной Европе и Америке. При этом в качестве стран диаспоры, на которых, по мнению Фанара, должна распространяться юрисдикция Константинопольского патриарха, стали рассматриваться регионы, которые еще недавно являлись частью канонической территории Русской Церкви, а теперь оказались в составе независимых государств Балтии, Финляндии и Польши. За их счет Константинопольская патриархия решила компенсировать себе потерю православной паствы на территории Турецкого государства. Подобная политика в отношении Русской Церкви, ставшей в это время жертвой жесточайших гонений со стороны советской власти, выглядела как проявление крайнего цинизма.

Ставший Константинопольским патриархом Мелетий (Метаксакис) постарался с максимальной для Фанара выгодой использовать послереволюционный кризис в Русской Церкви. 7 июля 1923 года патриарх Мелетий IV издал томос о принятии в юрисдикцию Константинопольского патриархата Православной Церкви в Эстонии, где Фанаром был образован автономный округ в статусе митрополии. 6 июля 1923 года патриарх Мелетий (Метаксакис) издал томос о предоставлении Православной Церкви в Финляндии статуса автономной Церкви в юрисдикции Константинопольского патриархата.

Но осуществить подобный вариант в отношении Польши Мелетий не мог — Православная Церковь в межвоенном Польском государстве была слишком крупной, чтобы предлагать ей сценарий по аналогии с тем, который был реализован Фанаром в Финляндии и Эстонии. Кроме того, польские власти к этому времени уже стремились именно к автокефалии для Православной Церкви в этой стране, так как ее независимый статус значительно облегчил бы государству вмешательство в ее дела. Конечно, патриарх Мелетий предпочел бы устроить в Польше нечто наподобие своего экзархата или, в крайнем случае, автономной Церкви. Но и автокефалия Польской Церкви была, с его точки зрения, более предпочтительным вариантом, чем сохранение православных епархий Польши в юрисдикции Москвы. В конечном счете, и эта мера способствовала ослаблению влияния Русской Церкви в православном мире, тогда как от получившей автокефалию вновьявленной Польской Церкви в дальнейшем можно было гарантированно ожидать благодарной солидарности с Фанаром в любом его начинании.

27 февраля 1923 г. архиепископ Дионисий (Валединский) как архиерей, выразивший готовность сотрудничать с властями Польши в направлении достижения автокефалии Православной Церкви в Польше, в нарушение канонов был избран Собором епископов ее предстоятелем и возведен в сан митрополита. 13 марта 1923 года патриарх Мелетий также вопреки канонам утвердил избрание Дионисия (Валединского) митрополитом Варшавским, предстоятелем Польской Православной Церкви, даровав ему титул: «митрополит Варшавский и Волынский и всей Православной Церкви в Польше, священноархимандрит Свято-Успенской Почаевской лавры»⁷. Таким образом, патриарх Мелетий (Метаксакис) положил начало неканонической автокефалии Польской Православной Церкви, тогда как Московский Патриарх Тихон, напротив, отказался благословить автокефалию Православной Церкви в Польше как достигнутую с очевидным нарушением канонов.

Предпринятые Мелетием (Метаксакисом) меры отнюдь не были проявлением только лишь личных амбиций этого скандального патриарха. Его преемники на Константинопольской кафедре продолжили действовать в том же русле. Так, патриарх Григорий VII уже 13 ноября 1924 г. подписал патриарший и синодальный

⁷ Никольский П., Дудра А. Дионисий (Валединский) // Православная энциклопедия. Т. 15. М., 2007. С. 284-286.

томос о даровании автокефалии Польской Православной Церкви, официально провозглашенной 17 сентября 1925 г. в кафедральном соборе св. Марии Магдалины в Варшаве. Политиканство Фанара в данном случае тесно сочеталось с откровенной коррупцией: польские власти заплатили за это деяние патриарху Григорию 12 000 фунтов стерлингов⁸.

В томосе об автокефалии Польской Церкви патриарх Григорий VII декларировал, что решение о предоставлении самостоятельности какой-либо поместной Церкви может принимать исключительно Вселенский патриарх. Однако, патриарх Григорий, похоже, сам ощущал ущербность такого заявления и поэтому решил подкрепить его более конкретным историческим доводом. Томос, апеллируя в польском вопросе к событиям, связанным с передачей Киевской митрополии в юрисдикцию Московского патриархата в конце XVII в., провозглашал: *«Отделение от нашего престола Киевской митрополии и православных митрополий Литвы и Польши, зависящих от нее, а также присоединение их к Святой Московской Церкви, произошло отнюдь не по предписаниям канонических правил, а также не было соблюдено всего того, что было условлено относительно полной церковной автономии Киевского митрополита, носящего титул экзарха Вселенского престола»*.

Но, вероятно, опасаясь, что и этот довод будет звучать не слишком убедительно, патриарх Григорий отторжение от Русской Церкви ее западных епархий неуклюже попытался оправдать тем, что он якобы действует *«повинуясь настоящему голосу канонического долга, налагающего на наш Святейший Вселенский престол заботы о Православных Церквях, находящихся в нужде»*⁹.

Инициированный Мелетием IV курс в отношении автокефалии Польской Православной Церкви продолжил и патриарх Василий III, который в 1927 г. даровал митрополиту Дионисию (Валединскому) титул «блаженнейший». Весьма показательно, что к этому времени патриарх Константинопольский считал себя уже вправе целиком единолично изменять титул предстоятеля автокефальной поместной Церкви.

Как известно, митрополит Дионисий (Валединский), ставший предстоятелем Польской Православной Церкви благодаря

⁸ Подробнее см.: Чибисова А.А. Автокефалия «под ключ»: некоторые факты из истории Польской Церкви 1924 г. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2018. Вып. 81. С. 64-80.

⁹ Текст томоса опубликован: «Вестник Православной митрополии в Польше». 1925. № 8.

противоканоническим мерам Константинопольских патриархов, в дальнейшем и сам действовал аналогичным способом. С началом Великой Отечественной войны именно митрополит Дионисий санкционировал провозглашение раскольнической т.н. «Украинской автокефальной православной церкви» и поставил во главе нее Поликарпа (Сикорского), а затем уже в условиях наступления советских войск летом 1944 г. не постеснялся принять от украинских раскольников неканонический титул «патриарха».

Надо сказать, что даже после всех этих скандальных выходов Константинопольская патриархия продолжала поддерживать Дионисия (Валединского), которого власти социалистической Польши отказались признавать предстоятелем Польской Православной Церкви. Известно, что в защиту Дионисия вслед за польским «правительством в изгнании», находившимся в Лондоне, выступал Константинопольский патриарх Афинагор I.

В целом же, именно в случае предоставления автокефалии Польской Православной Церкви Константинопольская патриархия впервые использовала практически весь тот набор аргументов, которые были вновь озвучены патриархом Варфоломеем I (Архондонисом) в ходе синакса в Стамбуле в сентябре 2018 г., когда речь шла об обоснованиях принятия решения об автокефалии т.н. «Православной церкви Украины».

Литература

Ульяновський В. Церква в Українській державі 1917—1920 рр. Кн.2: Доба Гетьманату Павла Скоропадського. К., 1997.

Андрушишин Б. Церква в Українській державі 1917—1920 рр. Кн.3: Доба Директорії УНР. К., 1997.

Лотоцький О. В Царгороді. Варшава, 1939.

Никольский П., Дудра А. Дионисий (Валединский) // Православная энциклопедия. Т. 15. М., 2007.

Чибисова А.А. Автокефалия «под ключ»: некоторые факты из истории Польской Церкви 1924 г. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2018. Вып. 81.